

Созвездие

Созвездие
Чёрных
Дыр...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Созвездие
Чёрных
Дыр

18+

Carinetta

Созвездие Чёрных Дыр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34111902

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90645-7

Аннотация

Сколько ты согласен сделать для человечества? Сколько уже делаешь? Это много или мало? Недостаточно... Ты коришь себя. Ищешь окошки, нуждающиеся в твоём свете. Находишь баннеры с призывом: «Ты нужен нам!» – и идёшь в неравный бой... Всем телом чувствуешь, как теперь тоже спасаешь мир. Даже тех, кому всё равно. А потом узнаёшь, что тебя использовали. Твой страх, тщеславие и чувство собственной значимости. Ты не спасал – ты помогал рыть могилу... Ты предал себя – и Родину вместе с собой. Захочешь вылезти из грязи – предашь всех тех, кто ещё верит. Будешь закопан ими же. Как тот, кому всё равно. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
За встречу	5
За знакомство	10
За здоровье	15
Сон первый	18
За что	20
Сон второй	24
За истину	27
Задыхаясь	30
Сон третий	32
За упокой	38
Сон четвёртый	41
За полночь	43
За всё	46

Carinetta

Созвездие Чёрных Дыр

Предисловие

Лётчики писали о самолётах.

Врачи писали о болезнях.

*Пора и мне посвятить моим любимым железкам пару
бранных.*

Исповедь однажды дизелиста.

*Одной тёмной ночью, засыпая и размышляя в полусне, я
резко очнулась от внезапно прозвевшей в моей голове фра-
зы: «Я хочу отомстить человеку с зелёной кровью...» Неиз-
бежно эта фраза обросла рассказом.*

За встречу

Ратцбург был тундровым городком вечного янтарного Рождества. Вечных бунтарских ветров. Средневековых одноэтажных домишек, романских скульптур и хвойных кустов. Барочных библиотек. Каменных кинотеатров и деревянных кафе. И всегда из ярко-красных гирлянд. Этот город, как и с десяток других, молниеносно вырастили в глубине страны, раскрасив мёртвую землю в цвета волшебного уюта и сказки. Мёртвую, но самую безопасную и плодovitую в пучине шедшей войны.

Сюда созвали лучшие умы. Здесь добывают что-то очень ценное – нам даже не говорят, что именно.

Дюжины фур ежедневно вывозят добычу за врата этого волшебного королевства.

Но недавно в топливо здешних заправочных станций кто-то запустил вирус – жуткую, чёрт-те чем разбавленную дрянь. Откуда она взялась, никто не знает. Но системы двигателей фур моментально заразились и одна за другой начали умирать практически без шансов на восстановление.

Так вот, откуда она взялась, никто не знает. Хотя, думаю, нам просто не говорят. В такое-то время кто-то оказался слишком жадным, слишком доверчивым. Слишком неосмотрительным.

Мы же прибыли сюда вакциной: нас десятерых привезли

чинить выбывшие из строя системы двигателей, прежде чем от заразы очистят все городские заправки и раздобудут свежие запасные части. Нам предстояло разобраться с запылившимся оборудованием для столь сложного ремонта, к несчастью, наконец пригодившимся.

Уродливая вакцина. Никто из нас ничего толком не умел и едва ли знал. Просто у каждого имелся документ, содержащий в себе что-то вроде «Инженер автомобильной промышленности» или «Специалист двигателестроения». Все учёные страны месяцами трудились в бункерах, сильные и ловкие – сражались в боях. И мы – без знаний, без инструмента, без свежих деталей. Ведь война на дворе: агрегаты у двигателей импортные, и все чистокровные запасные части теплятся в логове у врага.

Нас привезли сюда, чтобы мы сделали хоть что-нибудь. И сдохли здесь же. Чтобы не тратиться на обратные билеты к маменькам и папенькам, помирающим от голода. Нас привезли сюда похоронить. Или сначала двигатели, а потом уж и нас, поделом.

Но всё было лучше, чем голод и страх у границ.

Стоял март. Но, кажется, Рождество здесь не кончалось круглый год.

Четверых из нас завели в ремонтный цех.

– Род!

– Чик!

– Мил!

– Сильвер.

Начну по порядку.

Вздёрнутые овальные щёки, чёрные въедливые глазки, шапка волос.

Род напоминал упитанную кудрявую акулу. И был бы мил, если бы не был занозой в заднице. Казалось, он вечно ищет во всём подвох и предательство и всегда смотрит на тебя с гневной мыслью: «Попался!»

Холерик. Наспех раскалённая и ошпаренная в ледяной воде наковальня.

Чистый кристалл флегматика.

Сильвер писал каллиграфическим почерком. Он почти всё время молчал, и казалось, будто бы никогда не моргал. Был худ и бледен, наголо брит, глаза его были столь же бледными и прозрачными. Чудилось, будто Сильвер был и впрямь позеленевшим от времени серебром. Перегибистыми пальцами он изящно перечертил с учебных плакатов дизельные форсунки и принялся рисовать под ними собственные догадки: векторы сил, сжатие пружин, течение топлива по внутренним каналам, перепады давления от детали к детали, впрыскивание топлива в цилиндр. Облако распылённого дизеля он изобразил на грани искусства. После чего с его карандаша поспешно посыпались всякие формулы.

Рода этот непрерывный мыслепад и шелест графита отчаянно раздражали.

– Ты всегда так дотошно вникаешь своим зелёным носом

во всякое дерьмо?

Не моргая и не отрывая взгляда от блокнота, Сильвер ответил монотонно:

– Я должен понять, как бежит каждая молекула топлива, чтобы предвидеть, где она будет в следующий момент. Я должен войти в её положение.

– Шутить со мной вздумал! Бред! Из-за таких, как ты, фура до сих пор стоит! Раз-два, притёр-поменял! Что тут сложного? Даже для таких тугодумов, как ты!

Сильвер в ответ пошевелил ушами. Он продолжал делать скорые записи и рисунки ещё около часа, пока Род неспешно прочищал агрегаты растворителями и громко развлекал нас байками. Потом Сильвер бросил карандаш на блокноте и, как кошка, незаметно вернулся за свой верстак. Померил микрометром по очереди несколько шайбочек, подобрал их тщательно, как кольца невестам. Бесшумно собрал форсунки и установил их на стенд для испытаний. Запустил шумную машину, впервые нарушив тишину нашего любопытного наблюдения за ним. Форсунки зарокотали, затряслись, зарычали по обыкновению. Спустя полчаса испытаний Сильвер распечатал результаты. Форсунки работали идеально.

Шарик сангвиника. Попрыгунчик Чик, четвёртый из нашей шайки, бросился к Сильверу с объятиями.

– Как ты это наколдовал, Силь? Научи-ка и нас!

– Ерунда! – отозвался издалека Родди. – Чистейшая случайность! Дураку повезло!

Мой взгляд прилип к раскрытым страницам Сильверова блокнота. В нём были отчётливо прописаны нужные размеры шайбочек и точно предсказаны результаты испытаний.

– Кажется, ты нашёл рецепт настройки, – вырвалось помимо моей воли.

– Я подумал, что от расположения и соответствующего размера шайбы наполнение цилиндра будет меняться по определённым законам. Так и вышло. Дайте мне полчаса – и я набросаю вам примерную таблицу.

– Кому нужна эта бестолковая трата времени?! Займись наконец делом, мужик!

Мой взгляд с укором вонзился в Рода, пока губы отвечали Сильверу:

– Будет мило, Силь. Это неплохо сэкономит нам время и освободит нас от рутинного перебора и регулировки наугад. И мы этим воспользуемся.

Вы только поглядите. Кто бы мог подумать, что такое ранимое и меланхоличное дерьмо вроде меня выпендрится в лидеры.

За знакомство

Как и положено сопливному меланхолику, мне необходимо было напиться вечером.

Тело моё всё же нашло пристанище в одном модном кафе, в котором почему-то не наливали.

Трезвые глаза впивались в окружавшие моё тело другие тела. Нет – это они больно впивались в мои трезвые беззащитные глаза.

И я вижу лишь десятки пустых лиц. Десятки гладких фарфоровых лиц. Они всерьёз шевелят губами о купленных виртуальных друзьях, о виртуальном времени.

Почему бы нет. Моя чёрная косуха на мне – мой настоящий друг. Она – продолжение моих мыслей, часть моего характера. И она тоже куплена. И она дорога мне.

Но они всерьёз говорят о ценности того, что им не дорого. О дороговизне того, что бесценно. И без ноты любви и жизни в голосах! Будто бы без стоимости для них всё это ничего не стоит...

Мне хотелось подойти и ткнуть каждому в щёку.

В тебе точно течёт кровь? И что за поганый сорт крови, что не разносит ни жизнь, ни мысль в твои глаза и щёки?!

Так и подмывает подойти и потрогать: вы серьёзно живые?

Я вижу картонки на месте лиц и стекляшки в глазницах!

Наподобие тех, из которых наспех собрали этот городишко!

Дайте же ткнуть в щёку пальцем!

И карандаш вонзить в эту стекляшку!

Больно?

Не верю!

Врезать несколько раз, держа за плечо! Тряхануть за другое!

Давай! Оживай!

Где твоя жизнь?! Где твои мысли и их пронзающий скрежет сквозь это фиглярское копошение?! Где твои слёзы? Ты – ты способен рыдать ещё? Рыдать сам по себе – по Миру? Рыдать о Мире в себе и о себе в этом Мире?

«Оставь его. – Хватает меня за плечо моё Бессознательное. – Он не стоит твоих ударов».

Не стоит ударов. Нет, вы вникните! Человек, который не стоит удара в рыло!..

А у вас много друзей, что не стоят даже удара в рыло?

Не стоят удара, чтобы вернуть к жизни?

Видимо, мой сварливый ор про себя привлёк этого милого старикашку. Чёрт, откуда он взялся?

Профессор какой-то там логики или графии. Да какое это имеет значение для рассказа?

– Что ТЫ здесь делаешь? Каким ветром сюда занесло такое создание?

Мне пришлось оглянуться вокруг. Ещё раз.

Мне и правда здесь не место.

Я лишь пожимаю плечами.

– Сид! – Он протянул мне руку. – Да, и меня не обошла здешняя мода на короткие прозвища. Посмотри, – старикан постучал костяшкой пальца по чёрной деревянной стене, – это картонка. Этот город развернули как детскую книжку с картонными домиками. Чуть что – его обратно сровняют с землёй вместе с нами, будто и не было. Сюда созвали не лучшие умы. Сюда созвали тех, кто способен отдать три зарплаты вперёд за безделушку, устройства которой он не знает. Эти люди не умеют ничего, но готовы на многое. За иллюзии. Иллюзии чего-то ценного. Эти люди не могут ничего, но готовы на всё. За ничто. Это город подвешенных над шляпами морковок. И всё дольше всматриваясь в твои глаза, я никак не разберу, что ТЫ здесь вытворяешь, чёрт возьми?!

– А ТЫ?

– А я старый маразматик. Лишился жёнушки – своей науки. Она теперь никому не нужна. Лишился всего, но – дьявол бы их драл – не своих знаний. Мне терять уже почти нечего. Я могильщик Ратцбурга. Высокообразованный палач. Я знаю, как захлопнуть эту книжонку за секунды.

Скорее бы, Сид.

Мне и правда здесь нет места.

А есть ли вообще хоть какое-то место мне на этой планете?

Мои окурки пропитаны виски.

Средь жутких упитанных отпрысков,

Резаных и перекроенных лиц,
Камнями набитой кожи,
Пакетов костей —
Нет... Не вижу людей.
Довольно питаться надеждой,
Что люд в своём сердце зряч!
Что если его обаял вождь дурной,
Паршивый певун, никчёмный писака,
То это лишь временно ум помутнён,
Найдётся Герой...
Очистятся реки народа,
Сбросят фрегат лжевождя
С воплями: «Что ж ты за дьявол?!»
И двинут потоки на кладбище,
Волнами вырвут ворота,
Разыщут гнилые могилы
Насильно схороненных гениев
И понесут на себе
Флотилию гордых гробов!
Но нет...
Надежда моя не твёрже,
Чем дым от пропитанных виски окурков...
Нет вкусам дурным воспитания!
Нет глупым умам исцеленья...
И нет справедливости. Миф!
Натянута кожа на камни,

И ум упакован в футлярчики.

Нет, не вижу людей!

Среди ядовитых глаз пожилых

И жутких упитанных отпрысков —

Окурки пропитаны виски.

За здоровье

На сей раз сломалась машинка нашего босса – Шуха. В цех принесли новую партию топливных агрегатов – мы таких ещё не видели.

– У меня ведь своя собственная заправка, я не заливал в бак этой гнилой солярки! – Шух был чернее ада.

Ребята забросили насос и форсунки на испытательные стенды, сняли показатели и принялись чинить. А Сильв будто точно знал, в чём дело, и не трогался с места.

Напрасно мы возились несколько часов. Даже Род уже не брезговал таблицами, составленными Сильвером, но всё было тщетно: система не слушалась. Иглы распылителей не трогались с места. Даже с новенькими блестящими запасными частями, бережёнными самим Шухом. Мы вычистили добела все детали, притёрли до блеска все поверхности. Мы меняли регулировочные шайбы уже наугад – иглы двух распылителей всё равно даже не шелохнулись...

С лица Шуха точно стекала таявшая надежда.

Род принялся отчаянно ругаться:

– Что за проделки дьявола?! Так я и знал – ни на что не годятся эти дурацкие таблицы!

– У тебя умер пьезокристалл.

Сильвер впервые подошёл к нам.

– О чём это ты? – вырвалось из меня.

– Что ты несёшь опять? – Родди...

Шух отошёл за стенд и безнадёжно рухнул в кресло. Вот уже спустя секунду я стою рядом с ним и спрашиваю:

– Что тебя так, мать твою, гложет?

– Мил! – зашептал мне Шух с доверием исповедующегося и схватил меня за руку. – Я до усрачки боюсь отсюда не уехать... – Шух опустил голову.

Сильв молча приложил концы измерителя к электродам тела форсунки, за жизнь которой, точно хирург, бился Род. Прибор показал ни о чём не говорящую нам цифру. Это было сопротивление в омах. Мне удалось смекнуть, что речь шла о сопротивлении этого самого пьезокристалла. И, по-видимому, дела его были плохи.

– Ну и что, чёрт возьми?! – Род неосторожно развернулся и случайно полоснул Сильвера магнитным пинцетом по запястью.

Сильвер отпрянул. Сильнее обычного он выпучил зелёные, вечно в пол смотрящие глаза.

Лицо Сильвера стало бледно-изумрудным.

– Вот же дьявол! – испугался Родди.

– Срань господня. – Голос Чики впервые задрожал.

Даже Шух оторопел.

Из свежей раны на ладони Сильвера просочилась тёмно-зелёная полоска крови, набухла и закапала с запястья густыми зелёными каплями на пол.

Сильвер как ни в чём не бывало вытер руку тряпкой и чуть

нервно повторил:

– У тебя умер кристалл! Ты никогда не починишь эту форсунку!

Сильв спешно покинул цех. Род гневно смотрел ему вслед и вскоре произнёс:

– Я хочу отомстить человеку с зелёной кровью!

Сон первый

Я в своём детском дворе. Знойное солнце кипятило воздух – и дома вокруг расплывались, даже плавились. Снаружи не было жарко, скорее прохладно, дул слабый ветер. Жар раскалял сердце – и зной тёк по моим жилам. Я наготове совершать бесконечные подвиги на воздушном шаре! И от жаркого трепета мне выворачивало желудок.

На площадке играли дети – такие же расплавленные, как и их голоса, доносившиеся с жутким эхом. На одной из двух качелей сидел человек с зелёной кровью. Только кожа его теперь была голубовато-белой, щёки – румяными. Он был такой же лысый, но ещё без морщин, а глаза его были бирюзового цвета. Я сижу на качели рядом. Мы оба были детьми. Нам было по 8 лет.

На его голой спине я вижу три крупные чёрные точки.

– Что это?

– Как, ты не знаешь? Это Созвездие Чёрных Дыр.

Он развернулся ко мне, плотно закрыл рот и заговорил своими ясными живыми глазами:

– Люди, очень много людей не видят оттенков. Большинство видит только ярко-красный, или ярко-синий, или ярко-зелёный. Или иссиня-чёрный. Потому люди надевают громадные ярко-красные колпаки – те, что видно издалека, – а на них ярко-зелёным пишут «Бирюзовый!» или «Королев-

ский пурпур!». И чем больше и краснее колпак, тем царственнее считается пурпур. Им неведом полутон. Им незнакомо послевкусие. Таких сможет пронять только хороший перечный удар по языку. Лишь его они способны хоть сколько-нибудь почувствовать. Понять, что едят что-то, имеющее вкус. Но способны ли они его оценить? Во всех его полутонах? Все гармоника шлепков этого мощного удара?

За что

Наконец-то я в пабе, где наливают.

Досматриваю сон.

На стенах паба висят плакаты американских селебрити 60-х.

Вчера при моих ушах Шух хвастался своему боссу – недалёкому мужлану Базу, добровольцу в Ратцбурге. Шух хвастался той самой таблицей с толщинами шайб и расходом топлива, изобретённой Сильвером и славно облегчившей нам жизнь. Шух хвастался, Сильвера и не упомянув!

Я поворачиваюсь назад к мальчику с голубой кожей и негодую... Нет – реву:

– Выдавать чужое за своё? Уму непостижимо!

Пару раз мне довелось пережить это зло. В моих работах были озвучены чужие идеи. Мне и в голову не пришло приписать под ними имена – да кто же не знает этих гениев?! А профессор-то и подавно наизусть!

Но, к стыду преподавателей, они эти идеи не узнали! Или не знали их вовсе! Все эти идеи машинально приписывались мне – и меня за них хвалили на чём свет стоял!

Забыть бы это навсегда...

Как же стыдно мне было вот так внезапно оказаться вором! Вот так стоять вором и слушать украденную хвалу!

Лучше сожрать чужую хурму,

Чем украсть другому хвалу.

Лучше украсть пахлаву!

Чем украсть похвалу...

Лучше услышать хулу —

Заслуженную хулу!

Чем краденую похвалу...

Но не это было противнее всего.

Меня возвышали – и вот я испытываю всем своим телом этот подъём, будь он неладен!

Я принимаю честь. Я чувствую, каково это – когда тебя всем сердцем уважают! Я знаю прямо здесь и сейчас, каково это! Тебя уважают великие... Они смотрят на тебя с обожанием и восхищением. И тут же я знаю, что не заслуживаю этого! Ведь хвалят меня не за мои заслуги! Познать восхищение, но знать, что я его не стою?! Испытать бесконечное уважение к себе и знать, что на самом деле я не имею права на него?!

Нет!..

Это унижало моё достоинство! Растаптывало его в лепёшку.

Меня поднимают на крыльях, которых у меня нет! Это бросало мне вызов! Ведь меня так легко заподозрили в подвиге! Выходит, учитель считает, что я могу, могу додуматься до этой идеи? Ни у кого и сомнений не возникло, что эта идея не моя, что я не могу свершить подобный подвиг!

А я, выходит, хуже, чем меня видит учитель! Хуже, чем

то, чего от меня ждут! Хуже, чем то, во что верят, глядя на меня. Хуже гения, которого во мне с лёгкостью признали. Я – сморщенный орешек в здоровенной скорлупе. И это ранило моё самолюбие!

Ты должен быть тем, кем видишься.

Esto, quod esse videris.

Кажется, латинская поговорка.

Почему же люди соглашаются быть ничтожными вонючими песчинками внутри необъятных кителей и дворцов? Почему то, что унижает меня, заставляет их чувствовать себя важными? Почему то, что давит меня, заставляет их испытывать гордость?! То, что душит меня, раздувает их?

Отчего им так нравится красть чужие идеи и пользоваться их славой? Разве им не противно так близко осознавать, что они хуже этих идей, что они не способны на них?!

В какой точке мы столь далеко расходимся в разные стороны? В чём промах Всевышнего?! Ведь мы же все – одной крови, чёрт подери! Ты слышишь, слышишь меня, мальчик?!

Меня пробудили крики и драка у соседнего стола.

– Давай же, чёрт!

Род сидел на груди поваленного на пол Сильвера и бил того по роже.

Из носа и челюсти Сильвера хлынули изумрудные струи и расплылись на рыжем деревянном полу. Настоящем деревянном полу.

– Твою мать, – спокойно и тихо произнёс Сильв, скинув с себя Родову тушу. Он вытер рукавом морковной рубашки свою зелёную кровь и сунул Роду под нос. – Доволен?! С Днём святого Патрика! – Сильвер выпил рюмку, оставленную кем-то на барной стойке, и вылетел из бара.

Род с рёвом подбежал к пустой рюмке и со всей яростью швырнул её в стену, расквасив физиономию Мэрилин Монро.

А я не в силах забыть разодранную спину Сильвера, выскочившего на мороз со снятой рубашкой. С его спины мне бросились в глаза три вмятины – и в них были вытатуированы три чёрных круга.

Сон второй

Мальчик перевернул песочные часы.

– Песчинки – это кванты времени. Разносчики смерти.

Посмотри, как быстро бежит песок в самом узком месте горлышка. Время растягивается, как жвачка.

– Что там с колпаком?

– Что тебе неясно?

– Насколько хорошо я знаю тебя.

– Чем больше уши, тем красивее лицо.

Вы не слышали? Это потому, что у вас уши маленькие!

Чем больше уши, тем красивее лицо. Чтобы с самых дальних планет было хорошо видно, что ты красив. Чтобы было видно, как много золотых монет ты потратил на эти уши! Ещё лучше бы налепить на них печать с ушным размером и выложенной за них суммой – тогда они наверняка будут казаться ещё красивее. И обязательно черкни, сколько сил и сколько дней ушло на то, чтобы отрастить купленные уши ещё больше. Разве зря ты так усердно бился над собой? Ты ведь трудился над собой – отращивал уши! А любой, даже тупой, но усердный труд над собой неизбежно должен вести к мудрости. Разве нет?

Ты так старательно поливал свои уши – о твоём подвиге должен непременно узнать каждый! Ты поливал их каждый день, а вон тот, другой, нет! Ты трудился над своими ушами,

а он над своими – ни разу! Он не трудился – да и не получил громадных ушей! Поделом ему! Жалкому нищему лентяю! Уродцу, безвольному уродцу! Всё, на что он годен, – это почитать тебя! Восхищаться тобой и жалеть себя!

Разве нет?

Мозг трудно отрастить – уши проще.

Мудрость так запросто не зальёшь удобрениями. Её не так-то просто и посадить. Для неё нужно много места – нужно много плодородного мозга. Но его трудно отрастить, уши – проще.

И вот ты трудишься до упора в самую гордость. Дело-то нехитрое. И думать не нужно. Труд даётся без особого труда и оглядки.

А теперь всё наоборот. Настало совершенно другое время! Два года спустя!

За это время отращивать чужие уши выучился всякий лентяй и бездарь. Кривые задёшево – да кто же их разберёт! Главное ведь – чтоб большие были! Уши не вырастил только нигилист. Все кругом ушастые – обосраться, королевство зайцев. Некому больше продавать ушные пилюли для быстрого роста. И на фоне кого теперь казаться мудрым? Остаётся только одно: натянуть свои уши на задницу. Но и здесь ты уже не оригинален! Кругом сотни ушей, нервно намотанных – у кого на яйца, у кого на перцы. Урод! Одним словом.

Стоп! А как всё начиналось?

Как вообще были связаны красота и размер ушей, ты пом-

нишь, Мил?

Как размер определяет плавность изгибов, чёткость очертаний, остроту граней? А если тебе большие уши вообще не идут? Потому что у тебя маленькая голова, болван? Какая уж тут красота!

А знаешь, отчего мне страшно за всех этих мудрецов и красавцев, отращивающих уши, вырезающих рты в форме сердца и глаза в форме ромбов? Вы ведь все, чёрт возьми, верите в любовь. Ваш человек, приготовленный для вас природой, вас просто не найдёт среди сотен одинаковых лиц! Увидит, но не узнает! Возможно, вы ему даже понравитесь. Несмотря на сердцевидные глаза, которые он терпеть не может. Но он, с большим смятением в своём сердце, в вас уже никогда не влюбится. Увы! Он ждал вас! Вас! С круглыми прекрасными глазами, так похожими на вашу душу.

За истину

Цех тоже решил встретить меня криками:

– Думаете, война невыгодна обеим сторонам? Эта драчка двух сосущихся любовничков!

Кажется, Баз застал моего босса за попыткой удрать с награбленным говнецом.

– Вы знаете, а, знаете, куда фуры увозят всё добытое дерьмо? Половину – нашим, половину – вашим! Думаете, трудитесь? Вносите свою каплю пота в победу?

Шух в панике кричал на всё вокруг:

– Вам хочется в это верить! Ох, как хочется! Да что там! Эта война, эта заварушка – вы все ей благодарны и в глубине души виляете своими тощими хвостами! Потому что чувствуете, будто меняете мир! Ещё вчера – отпрыски в кредит, и всё ваше величие и милосердие умещались в подачке грошика цыганке! А сегодня вы спасаете мир! И делать-то ничего не нужно! И думать требуется ещё меньше, чем вчера! Всё придумали за вас, а вы спасаете мир по строгой ограниченной инструкции! Без этой войны вы были сраными обывателями, а теперь вдруг выпал шанс высрать из себя героя!

Мне стало противно. Что крыса Шух был прав.

Было противно от того, что он был крысой. От правды, что он звонко отбарабанил. От того, что крыса говорила правду...

– Это правда? – Род уставился на База.

– Бред! Мы сражаемся за свою честь!

– Какой же ты кретин! – Род врезал Базу. И вырос в моих глазах.

Мы все об этом догадывались. Мы все хотели вилять хвостами, да что там – хотя бы просто не быть убитыми голодом.

Но теперь отрицать глупо. Пятиться – низко. Куда уж ниже падать...

Я подбежала к Роду со спины и схватила его за плечо.

– Он не стоит того, Родди!

Меня затрясло.

Род вопросительно глянул на меня. Затем на обделавшегося Базу.

– Что это за человек, который не стоит удара в рыло?!

Род схватил его за жилет.

– Чего ты вообще стоишь тогда?!

– Бросай это, Род! – заорала я. – Пни это дерьмо подальше от себя! У таких, как этот Баз или Шух, до последнего даже предать кишка тонка! Они будут гнить с тобой в одной предсмертной яме, пока однажды не сожрут твоё мясо, лишь тебя схватит лихорадка! Трусливо, осторожно обглядывая твои ещё готовые дать сдачи косточки!

Мы возвращались домой с Родом молча. Шагали в трёх футах друг от друга. Но никогда мы не были такими близкими и солидарными.

В ворохе представлений о Роде, среди его дурости и

вспыльчивости, сметая их, как листья, я откопала в своей душе камень. Непокколебимый правдивый орешек по имени Род.

Я установила железный памятник в своих воспоминаниях о нём: с Родом можно смело идти на войну. И без оглядки доверить ему свою жизнь – если он пообещает её хранить. И знать, что обязательно убьёт, если даст слово убить.

Мы шли и, казалось, думали одно и то же.

Как мы умудрились увязнуть по уши в этом болоте?

Завтра починенные нами фуры отправят как корм в пасть Войне.

Это всё мы сделали. Своими руками.

Как теперь спать с этой мыслью?

Как теперь не порезать им шины – и остаться при этом человеком?

Как случилось со мной то, что я – не сраный обыватель – вдруг им стала – сраным обывателем?..

Задыхаясь

Весна – сама себе сюрреализм. Свежее, первого отжима бледно-бледно-зелёное солнце плавит воздух, параллелограммный и скрючивающий реальность.

И снова я в баре, где не наливают.

Профессора сегодня не видно.

А я вижу лишь слишком много пустых лиц. Невыносимо много гладких фарфоровых лиц. Они без шуток шевелят губами о вещах так, чтобы даже издалека я смогла услышать их стоимость. Но я никак не могу услышать, чтобы вещи эти для них чего-то стоили. Что за странные люди собрались в Ратцбурге?

Как же я внезапно захотела быть психоаналитиком!

Только бы они рассказали мне свои страхи!

Прошу...

Только бы они делились со мной самыми сокровенными своими тайнами и бредовыми фантазиями! Мне это нужно, как воздух. Чтобы услышать, что они живы ещё. Что мы люди – и мы похожи. Чтобы залезть к ним под рёбра и схватить сердце с поличным – бьёшься!

Как же я жажду нырнуть в глубину их омутов – прощупать весь ил! Вляпаться в гниль – это тоже жизнь! Как я мечтаю найти в ней сокровища! Я знаю, что в каждом иле есть своё сокровище! И мне так не хватает их... Как мне не хватает

людей! Я задыхаюсь от тины и ила...

– Дурной вкус масс – неиссякаемый источник дохода.

Мальчик положил руку на моё плечо.

– Скудоумие большинства – нескончаемая добыча.

Полюбись идиотам – и разбогатеешь.

Делай дрянь, что по нраву лишь дрянным, – и ты завоюешь сердца слишком многих.

Сон третий

Мальчик положил мне в руку деревянный брусок.

– Мы не можем потрогать жизнь за прошлое или будущее. Мы не можем ухватить брусок времени за грань «вчера» и грань «2 часа спустя». Мы со скоростью света летим в трёхмерном пространстве вдоль линейки времени.

Свет не движется! Движемся мы во времени – со скоростью света. Или время летит сквозь нас со скоростью света. А свет стоит.

Вот почему суммарная скорость света двух лучей, светящихся друг на друга, не складывается! Свет стоит! Это мы движемся со скоростью света во времени!

Вот почему ракеты, несущиеся на бешеных скоростях, замедляются в старении: они больше не стоят во времени – они начинают плыть по его течению! Значит, река времени протекает мимо них уже не так быстро.

Вот почему, если мы догоним реку, если начнём плыть со скоростью реки – скоростью света, – время остановится. Мы будем плыть рядом с одной и той же водой. А если станем плыть ещё быстрее, догоним ту воду, что давно утекла, – наше прошлое...

Бесконечно малый отрезок времени по имени Сейчас... Дельта t . Ничто. Ноль. Помноженный на бесконечное множество состояний нашего мира, уместившихся в нескольких

мгновениях. И вот мы видим хвост этой Кометы. Этот брусок прошлого. Мы храним его в памяти. Не в силах ухватить этот хвост, но мы можем обернуться назад. А иногда, очень редко, и вперёд...

Память хранится вне времени. В пространственной петле. Куда мы можем войти своим умом, пусть не телом. В скважину которой мы можем подсмотреть. Сквозь искажающую призму нашей памяти. В уме мы имеем хотя бы ещё одно пространство – и тогда мы можем находиться в двух одновременно: телом Сейчас – и мыслями Вчера...

Фотография трёхмерна! Она хранит в себе привычные нам длину и ширину. И ещё – отрезок времени. Размазанное движение. Бесконечное множество пространств, наклеенных друг на друга за отрезок мгновения. Брусочек жизни.

Волокна дерева! Их строение, следы их роста – следы приращения пространства во времени. И каждый срез – двумерный мир. Размазанный вширь со скоростью света по ткани времени.

Дерево несёт в себе своё прошлое и следы его оползня.

Каждое кольцо в срезе дерева – то самое бесконечно малое Δt . Когда-то Сейчас. Все эти Сейчас, наращённые друг на друга, надетые одно на другое кольца – следы шагов времени.

Мы – проекция. Настоящее – проекция мира на время. Проекция дерева на его срез.

Ты знаешь?

Ты ЗНАЕШЬ?

Ты знаешь? Тызнаешь тызнаешь тызнаешьтызнаешь-
тызнаешь...

Оголённая кость челюсти мальчика, затараторившая
эхом, вдруг исчезла на чёрном фоне ночного окна.

Я проснулась в поту. Нет времени не спать! Жди меня! И
я провалилась назад в сон...

Я обернулась, потому что мальчик похлопал меня по пле-
чу. Он оставил на нём записку. В ней был рисунок:

Carynetta

Carynetta

– Гиперкуб – это обычный куб. Только с душой.

Мальчик ещё раз сделал этот рисунок карандашом на белом песке.

Я села перед рисунком и...

– Некоторых людей хочется с разбегу завалить на лопатки – сесть им на туловище и начать бить кулаком в рожу! Бить, с каждым ударом крича: «Давай! Человек! Очнись! Душа! Просыпайся в этом грёбаном теле!»

– Защищай Родину в меру, – произнёс мальчишка. – Или тебя научить уму-разуму?! Разве твоя Родина – это не твой народ? Ведь все эти миллионы, защищающие лишь своё себялюбие, – это и есть твоя Родина! Все эти нежелающие брать на себя мысль и ответственность – это и есть твоя Родина! Ты либо предаёшь себя, либо предаёшь их всех!

Я резко распахиваю влажные от пота веки. Ночь. В окне мерцают созвездия. И среди них, вероятно, притаилось Созвездие Чёрных Дыр. Ныряю ещё раз в сон.

– Мальчик, стой! – Я бегу по белому песку за ним, шагающим слишком быстро для скорости света. – Что мне делать, скажи?! Что мне делать? Ничего – и не предавать родину? Не предавать миллионы, верящие в своё геройство? Не предавать целую страну... Или сбросить добытые алмазы в реку и не предавать себя и свою честь? Ведь я и моя честь – это тоже Родина! Здесь добывают драконьи алмазы, мальчик! Их вывозят по одному в целой фуре под видом крупной добычи!

Мальчик остановился спиной ко мне. Его время по-прежнему текло слишком быстро. За мою жалкую секунду он проживал целый день. И оттого казался рядом слишком плотным. Казался четырёхмерным. Он был Гипермальчиком.

– Представь, что ты отныне можешь делать всё, что пожелаешь. Тебя ни за что не накажут. Или даже никогда ни о чём не узнают – как тебе больше нравится. Вот здесь и начинается твоё самосознание. Почувствуешь ли ты, что воровать дурно? Понравится ли тебе наступать на горло ближнему или ты испытываешь ту же боль вместе с ним? Наступи на горло – что ты чувствуешь? Боль или удовольствие? Или их сложную смесь? Подумай. Где для тебя заканчиваются тобой лишь чувствуемые добро и зло и начинаются навязанные убеждения о них?

Где для тебя заканчивается вежливость (та, что есть боязнь раскрыться перед всеми дурным) и начинается настоящее сострадание другому?

– Но ведь за некоторые вещи станет даже обидно, что за них не накажут или о них даже не узнают...

Хочется грешить на славу!

И я очнулась.

Ещё вчера мы приехали защищать Родину.

Потом мы всё-таки набрались храбрости и решились защитить её по-настоящему. И за это лишь мы окажемся предателями. Предателями миллионов, виляющих тощими хвостами.

За упокой

– Вот ты, Сид, редкий засранец, скажи-ка мне. Кто такой интеллигентный тип?

– Этот тип – очень чувствительный тип. Он слишком хорошо знает, насколько ранит прикосновение, чтобы коснуться лишнего раз другого.

Легко придерживаться шаблонов! Много читать. Не выражаться грубо. Носить шляпу. И думать не нужно! Можно красивыми словами унижать неначитанного и с непокрытой головой! Мнить себя интеллигентом и не додумываться, что кичиться этим – дурной знак...

Но брань интеллигентного типа остра и метка, и она отнюдь не ранит тонкокожих. Она злит и заставляет чесаться толстокожих ханжей!

Души – заросшие толстым слоем плохо пахнущего «воспитанного» жира.

Мода всегда больно бьёт невольных законодателей.

С одной стороны, их достоинства вдруг стали всеми признанными и всеми желаемыми.

С другой стороны, достоинствами этими тут же завладевают все те, кто совершенно не умеет ими владеть. Варварски, по-мародёрски.

Мода обезличивает своего невольного законодателя. Сначала смазывает его с массой подделок (а что может быть уни-

зительнее для оригинала!), а после, махровея и жирея, и вообще оставляет беднягу за бортом: теперь уж он и сам не соответствует её метаморфозным требованиям.

Напоследок мода умирает, смывая наконец следы свои с подделок, и теперь бывший законодатель – ещё и дикарь, вчерашний день, объединённый саранчой.

Долго ему ждать, чтобы возродиться классикой.

Мода, как единая на всех душа сегодня, как единая на тысячи голов мысль, способна соединить эту тысячу в одно.

Но того, чью душу она использовала, мода насилует.

Он видит, как то, что дорого ему настолько, что живо в нём настолько, что породило своей силой целую волну, захватившую всех, что заразило своим огнём сердца тысяч, – ныне потухшая река, засорённая чужими трупами. С мёртвой рябью.

Его душу – его самого – надевают на себя тысячи. Без трепета – по-варварски.

То, что дорого ему, без жалости натягивают на себя тысячи. По-варварски. Без трепета.

Его насилуют... Не иначе.

Сид был засранцем. Он говорил то, что я хотела услышать. Но мне нельзя выдавать ему план. Этого ублюдка опасно брать с собой, опасно доверять жизнь тому, кто готов похоронить нас всех и знает как. Но и бросить этот живой разум здесь я не желаю.

Нет, Сид. Ты уже сед, но соображаешь. Ни за что не пой-

му, что же у тебя на уме. Я не выдам нашей тайны. Но и здесь тебя не брошу.

– Старикан, ты чертовски прав. Ты видишь меня насквозь!

– Дураки умничают, умники дурачатся. Знаешь, почему змею считают символом мудрости? У неё просто ума не хватает делать глупости!

А у тебя хватает, Сид. Корчить из себя идиота.

Надеюсь, мне не хватит ума себя выдать.

– Вашего зелёного усыпили.

– Сильвера?!

– Да, Милли. Только заруби себе на носу: ты не знаешь ни черта! Повздорил с ребятами, подрался в баре – всё! Больше ты его не видела и думаешь, что он бросил работу и вернулся на свою дядюшкину ферму. Ни о какой зелёной крови не вздумайте и заикнуться!

– Силь...

– Да, и как его звали, тебе тоже лучше бы позабыть! Милли, – профессор посмотрел на меня в упор, – не спи. И побереги себя.

Сильвер...

Сид! Что же мне делать теперь? Довериться всем сердцем тебе? Или опасаться тебя теперь ещё сильнее?

Сон четвёртый

Я запрятала в кратере лунном
Своё сердце, до смерти забитое.
На Земле оно слыло безумным...
Я его закопала. Пусть спит.

Ты его будешь всюду искать
В цоканье каблуков об асфальт.
Просыпаться от гулких ударов
Ночного трамвая о рельсы...
Ты свихнёшься под марш барабанов!
Под мурлыканье барабана —
Коль сосед наконец-то застрелится.

Ты его будешь ждать отовсюду,
Перебеёшь к чертям всю посуду,
Только бы не забыть этот звук...
Он придёт – долгожданный стук!

Лишь услышишь стук в свою дверь —
Поспеши: это к тебе
Моё сердце стучит, задыхаясь!
Поспеши, поспеши, спотыкаясь,
Дверь открыть в ленинградский подъезд.

Из-под ног хлынет пена морская,
И защиплет свежий порез.
Это мой лунный камень в груди
Притянул полуночный прилив...

За полночь

Я в чёрном атласном платье, запутавшаяся в боа, на странном банкете в честь победы в какой-то битве. Свои хоть победили?

По очкам или по количеству выживших?

Ну и на кого ставили?

А была вообще битва, эй?

Я пожирнее склеила губы помадой, чтобы эти вопросы остались дома, в голове, а не полезли изо рта в драку!

Нам всем сегодня положено было веселиться и до усрачки чувствовать себя родственными душами.

– Парнишка! А ну тащи ещё пирожные!

– Пирожные кончились.

– Да прям!

На самом деле нам всем нужно было просто надраться и вести себя хуже некуда.

Народные фигляры весело и задорно гадили прямо с экранов, иногда прерываясь с серьёзными рожами, чтобы поздравить с победой всех обгаженных и этим довольных.

Мне самой уже третий день было жутко до одури. Похоже, нам троим – единственным – сегодня нужно кровь из носу не обосраться.

Стыдно признаться, что я не умею ездить на велосипеде и не умею пить. Брюзжу на бары, где не наливают, а сама

удираю от рюмки. Пешком.

Когда нужно было быть начеку, я стремительно косела уже со второго бокала вина.

Мой шёлковый обод с пером косился вместе со мной.

Что, по правде говоря, не мешало моей тактике! Играть бухую идиотку.

Я хохотала драным визгом и шлёпала атласными перчатками по столу. Может быть, это была задница шлюхи – мне было всё равно. Всё шло мне под руку.

Пора.

– Товарищи! – Я рвусь к микрофонной стойке. – Разрешите поздравить всех нас!

Сейчас Чики засыплет снотворным торт, а Род подберётся к пуншу.

Чёрт! Я забыла комедийную речь! Гадство! Меня так лихорадит, что придётся ссать в уши чем припрёт!

Я – озлобленный противоречий клубок!

Заперто-упёртый р-п-переход!

Удирающий прочь пароход!

Это пьеса, написанная акварелью на стенах

В проходе!

Это просто ссанина поэта, отлившего в рифму на стенах,

Заблёванных крысами, в тёмном р-п-переходе!

Давай, Родди. Надо накачать кишки этих алкашей по самые глотки.

Я курю под дождём

И целую поверх пощёчины!

Мои полуголые плечи и пепел, забытый на них, —

Это ангел и чёрт покурили и дружно свинтили!

Ну и чёрт с ними!

Мой язык – моя плеть,

Я плюю вам в ваши пенсне!

И ещё по весне

Пощёчину вкусно леплю

Поверх поцелуя!

Я и не заметила, как гибнущий в моей руке окурок из последней ярости прожёт мою перчатку.

Кажется, публика достаточно охренела.

– С победой, товарищи! Пьём!

Все подхватили бокалы. Ништяк...

За всё

Мы колотили в дверь Сида.

– Прощайте!

– А ты?!

– А я увлеку за собой в могилу этих бухих мотыльков. Даже вместе с теми, кто недавно мне это и приказал, но они об этом не подозревают. Поэтому поторопитесь. Книжка захлопнется раньше указанного срока.

– Нет, я тебя не оставляю! Слышишь? Никуда я без тебя не поеду!

Я пыталась схватить Сида под мышку, но он убедил ребят держать меня и оставить его.

Наша машинка завелась. Мы три ночи чинили Шухов фургон, и теперь мы летели. Я ещё не верила в смерть Сильвера. Но уже трезвела. Меня трясло от горечи бросить здесь Сида.

Как мы умудрились угнать тайком починенный фургон?

Но мы не могли остаться здесь, опустив руки. Воевать здесь тоже не могли.

Как мы умудрились украсть добытые здесь сокровища?

Мы не могли оставить их здесь, мы не могли отдать их, когда уже признались себе, что знаем, кому и для чего. Мы не могли решить, что делать с ними. Но мы смогли взять на себя ответственность за них. Мы смогли быть ворами, но не

смогли – лицемерами.

Как случилось нам быть обреченными на розыск и расстрел? Когда я успела стать особо опасным преступником? Ведь я всего лишь оставалась верна своей чести последние дни! Как и всю свою жизнь до этого... Только и всего!

Предателем родины? Ведь я всего лишь не смогла предать себя...

Без пяти минут вечно в бегах, одной ногой выпрыгивая из могилы? Позором истории?

Пусть так. Если нужно будет отстоять свою честь и историю ценой жизнью – будет сделано.

Пусть так. Только бы не умереть сраным обывателем. Мёртвым мешком с костями.

P.S.

Иллюстрация авторская.

По мотивам собственных сновидений...